

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

**19
(816)**

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

**КРАСНАЯ
ПАШЕЧКА**

Annotation

«Библиотека Крокодила» — это серия брошюр, подготовленных редакцией известного сатирического журнала «Крокодил». Каждый выпуск серии, за исключением немногих, представляет собой авторский сборник, содержащий сатирические и юмористические произведения: стихи, рассказы, очерки, фельетоны и т. д.

booktracker.org

-
-
- ○ [ЧЕРНАЯ СТАЯ](#)
- [ЯДРО ОГРЕХА](#)
- [СМЕШЕНЬЕ И СПЛЕТЕНЬЕ](#)
- [ПИСЬМО ГРАЖДАНИНА В. П. КРАВЦОВА](#)
- [ЧТОБ ВЫ ТАК ЖИЛИ](#)
- [СЧАСТЬЕ](#)
- [ПРИМОРСКИЙ ДРАКОН](#)
- [МИЛЕНЬКИЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОНЧИК](#)
- [ПРАВА ЗАБВЕНИЯ,](#)
- [СОЛЕНЬИЙ КОТ](#)
- [ЛЯГУШКА ИЗ СКАЗКИ](#)
- [САВВА ОЛЕГОВИЧ](#)
- [ЧИСТЫЕ ГЛАЗА ИСКУССТВА](#)
- [КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ](#)
- [ГОРИ ОНО ОГНЕМ!](#)
- [ЧТО ПРОИСХОДИТ В НЕЙТРИНЕ](#)
- [СЛАВА БОЦМАНА МУРЕНОВА](#)
- [МАТЕРОЕ ПРОЩАНИЕ](#)
- [МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА](#)
- [ДРУГОЕ ПРОЩАНИЕ](#)
- [КРАСНАЯ ПАШЕЧКА](#)
- [СЕРЕБРЯНОЕ СЕРДЦЕ](#)
- [УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО](#)

- [МЕРА, ХИМЕРА, Я](#)
  - [НЕМУМУ](#)
  - [ЗЛОУМЫШЛЕННИК](#)
  - [ЭПИГРАММЫ](#)
  - [Более подробно о серии](#)
  - [INFO](#)
  -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

КРАСНАЯ ПАШЕЧКА

Пародии, эпиграммы

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1978**

*

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

© Издательство «Правда».
Библиотека Крокодила, 1978

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Александр ИВАНОВ

Не желчный, не злой по природе,
Не ястреб совсем, не орел,
Среди эпиграмм и пародий
Я странную радость обрел.
Видал я, как водится, виды
И все же сатиру люблю!
Увы, не рубля, а обиды
Писателей наших коплю.
А может, все бросить?
И сдаться? Достаточно нагородил...
Но вроде бы поздно меняться

И вроде бы рано сдаваться.
И вот за возможность издаться
Спасибо тебе, «Крокодил»!

ЧЕРНАЯ СТАЯ

(Аркадий Адамов)

Сергей Коршунов пришел в управление, как всегда, ровно в девять. Вчера он опять вернулся домой поздно и Лену не видел. Да и не мог видеть. Она как ушла неделю назад на работу, так с тех пор ее и нет. Актрисой тоже быть нелегко. Днем и вечером спектакли, ночью — репетиции.

Коршунов с Наслаждением закурил и с удовольствием сплюнул. «Скажу, чтобы пепельницу принесли», — решил он.

Через пять минут должен зайти Лобанов. Милый Саша! Сколько они знакомы? Лет пятнадцать, не меньше. Познакомились в юности на деле «пестрых». Хорошее было дело! Старого бандита Григорьева брали, страшный был человек... Сейчас он ему пишет из колонии. Надо ответить, поддержать старика морально. Все-таки девяносто два...

Позвонил Гаранин. Костя теперь начальство! Спрашивает, как дела. Как говорит их уборщица: «Ловить вам не переловить». Кстати, надо спросить, как ее внук. Как температура, был ли стул.

Лобанова что-то нет. Ниточка, за которую они держатся, ведет далеко... На самом конце ее опасные люди. Очень опасные! Но их

необходимо задержать. Задержать и не отпускать, пока не расколется.

Коршунов потушил сигарету, и закурил новую. «В НТО надо зайти, — решил он, — к Остапу Вениаминовичу». Совпадают ли отпечатки с теми, что нашли около трупа? Ведь убитый оказался совсем не тем, за кого себя выдавал. И убил его, видимо, не тот, за которым они шли по пятам ужи три года. И откуда там чемодан оказался? «Это был не мой чемодан», — сказала Тамара. Почему Тамара позвонила Нине, а не наоборот? Почему Зина, вместо того чтобы идти к Алику, легла спать прямо в ресторане? Подозрительно... Галя теперь убита, а Веру повесили на доске почета. Зоя, конечно, здесь ни при чем... Да, теперь это очевидно. И вот что характерно: чем дальше они расследуют это дело, тем меньше в нем понимают...

«Загадка, — сказал сам себе Коршунов и сам себе ответил: — Еще какая!»

Коршунов улыбнулся, тепло вспомнив честных людей, которые так помогают им в их нелегкой работе. Коршунов вспомнил о преступном мире, о котором не забывал никогда, и крепко, до боли сжал зубы. «Всех переловим! — жестко подумал он. — Дайте только срок!»

Как говорил боцман Надирайло с «Рыгающего»: «Поспешешь — зверей насмешишь». Старый боцман всегда говорил метко и остроумно.

Но вот зазвонил телефон, кабинет наполнился сотрудниками и сотрудницами.....

Пора было начинать операцию.

ЯДРО ОГРЕХА

(Лев Аннинский)

Я часто думаю о том, что случилось бы. начни. Лев Толстой свой роман с такой фразы: «Все смещалось в доме Аннинских»?

Так вот. Не ищите в моей книге того, чего в ней нет.

Это необходимое замечание. Хотя я и не намерен перечислять, чего НЕТ в моей книге. Это не входит в мою задачу и заняло бы слишком много времени.

Задача вдумчивого читателя — найти то, что в этой книге ЕСТЬ. А это очень нелегко.

...Рассмотрим некоторые произведения нашей поэзии, прозы, а заодно и драматургии. Что мы увидим?

Мы увидим властно-стальные линии сюжетов, врезающиеся в аморфные тела псевдоноваций, которые по рецепту адептов бесстильно-массовидных абстракций выдаются за аксессуары полифонических, раздробленно-обессиленных, и орнаментально-додекакофонических категорий, но и те представляют собой лишь одну грань пунктирно-экспроприативной субстанции, опирающейся на высшую зеркально-хаотическую альтернативу, создающую всепобеждающе-расслабленный, понятийно-эллипсообразный, интуитивно-сдублированный, расплавленно-конкретизированный и неповторимо-интерпретированный антураж.

Так что же представляется мне основным в развитии литературного процесса?

Лабардан-с и эпатаж!

СМЕШЕНЬЕ И СПЛЕТЕНЬЕ

Надел пальто, шапка и перчатки в руке, на улицу вышел, был сильный мороз. Гляжу, поднимается передо мною плакат...

(Михаил Анчдров)

Мой дядя, самых честных правил, когда не в шутку занемог животом, позвонил и попросил непременно зайти. Я пошел. Вот парадный подъезд, в котором не только по торжественным дням, а всегда пахнет водкой, кошками и еще чем-то.

Дядя напоминал собой утопленный труп мертвого человека.

Свеча горела на столе. Свеча горела, потому что как раз перед моим приходом выключили электричество.

Я понял все. Хотя его пример другим наука, но какой же русский не любит острой еды! Какой-то повар-грамотей накормил сегодня дядюшку не иначе как щами со свиной головизной или еще какой-нибудь дрянью.

— Скажи-ка, дядя, — сказал я, — ведь недаром говорил тебе доктор, чтобы ты на диете сидел. Умер вчера сероглазый король от заворота кишок. Да, были люди в наше время, да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами, но ты же прекрасно знаешь, что мясо в твоём возрасте противопоказано!

Я сидел и говорил. Дядя лежал и молчал. Мы были с ним как два берега у одной реки.

Вышел я от дядюшки поздно ночью один на дорогу. Сквозь туман милиционер блестит. Ночь, как вы сами понимаете, тиха, а поскольку бога нет, то пустынная улица внемлет исключительно его гулким шагам. Звезда с звездой говорит о конфликте дядей и племянников.

Мисюсь, я взбесюсь!

ПИСЬМО ГРАЖДАНИНА В. П. КРАВЦОВА СЕКРЕТАРЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ (Григорий Горин)

Уважаемый товарищ секретарь!

Проживает в нашем доме некто Горин Григорий (не хочу упоминать его отчества), личность в высшей степени подозрительная. Он распускает слухи, будто бы он писатель, хотя лично я такого писателя не знаю, так как вообще никогда ничего не читал. Правда, мой сын рассказывал, что Горин выступал у них в школе на вечере смеха (над кем смеялись?), но я ему не поверил и вам верить не советую — он весь в свою мамашу Кравцову Е. Т., так что не дорого возьмет соврать.

Так вот, этот Горин 17 числа ушел из дому в 3 часа дня играть на бильярде и вернулся домой в 18.30. А на следующий день ему пришел почтовый перевод на 11 руб. 37 коп.

21 числа Горин повел жену в кино, а через пару дней ему перевели 44 руб. 02 коп.

26 числа Горин вообще никуда не ходил и, по его собственному признанию, целый день спал. Каково же было мое возмущение, когда 28 он получил по почте 29 руб. 96 коп.

Эти безобразные факты я мог бы приводить до бесконечности.

Дорогой товарищ секретарь!

Я очень уважаю наших славных писателей, наших замечательных инженеров человеческих душ, но как же можно так безответственно разбазаривать государственные средства?! Со всей ответственностью заявляю, что если так будет продолжаться и дальше, то я в знак протеста буду пить не запоями, как обычно, а ежедневно, и буду по его окном петь, как наш замечательный певец и композитор Полад Бюль-бюль оглы. У меня это здорово получается, особенно когда я выпимши. И пусть тогда мне тоже платят безумные деньги шаляй-валяй, бог знает за что, как и Горину Григорию (не хочу упоминать его отчества),

который на самом деле никакой не писатель, а врач, злобно уклоняющийся от исполнения своих прямых обязанностей.

Гонорар за это письмо прошу выслать мне до востребования.

ЧТОБ ВЫ ТАК ЖИЛИ

(Михаил Жванецкий)

Слушайте, вам не говорили, что вы очень красивы? Странно... В дни моей молодости был такой знаменитый артист в кино — Арон Наварро. В паспорте американец. Э, они там все американцы... Похож на вас. Вылитый Вы. Как две капли.

Мне почему-то кажется, что вы грустный. Так нельзя, вы же в Одессе. По моему мнению, вы холостой. Неужели нет? Не молчите, я знаю. Правильно, что приехали в Одессу и встретили меня. Куда же еще ехать и на кому опереться?.. У меня для вас кое-что есть. Только для вас!

Я думаю, она вам, подойдет. Она всем подойдет, но сначала мы должны туда подойти. Не женщина — чудо! Папа — профессор, мама — профессор... Профессор или провизор? Провизор. Бездна обаяния, хозяйка, королева Привоза... Немного хромает. А вам нужна жена или Пеле? У нее одышка. Но кто сейчас легко дышит? Засорение среды... Среда! А четверг, а пятница? А наконец, суббота и воскресенье? А чистюля! Когда она обчистила своего первого из Ростова, с него смеялась вся Одесса... Впрочем, это не важно.

Нет женщин без недостатков. А вы без недостатков? Есть два «но». Младшему — двенадцать. Не волнуйтесь, вы его и не увидите. Мальчик прелесть, Лежит парализован, отец алкоголик, нет, вы мне скажите, когда мы избавимся от этого несчастья?

Старшему, смешно сказать, скоро семнадцать. Постоите, куда же вы? Две судимости, на носу третья, вы с ним не встретитесь лет пятнадцать!

Не надо говорить сразу «нет!». Что вы делаете? Я же старше вас лет на сорок. Нет, вы соображаете?! Это же знаменитая одесская лестница. Если мне будет надо, я сам спущусь.... Вы же не Эйзейштейн. Где вас воспитывали? Тихо, тихо, дедушка не может быстро...

СЧАСТЬЕ

(Борис Зубавин)

Весной Грише исполнилось шестнадцать лет, но жизнь у него сложилась как в плохом романе.

Отца у него нет и не было.

Отчим, сын кулака и бывшей графини по кличке «Шмара», торговал на базара редиской, молодой картошкой, огурцами, помидорами, спаржей, раками, омарами и хайамами. А Гриша торговать не хотел: он был комсомолец и не любил деньги.

Из дому его выгнали. Из школы пришлось уйти.

Жить стало негде. Не было одежды, обуви, нечего стало есть. Спал он в подъездах, укрываясь «Литературной газетой».

Он решил поступить из работу и всей душой потянулся ко всему передовому и светлому и прежде всего к представителям общественных организаций. Но те за делами не замечали человека, которому плохо...

Однажды к нему подошел верзила в кепочке и застенчиво сказал:

— Слышь, кореш, постой на стреме, а мы квартиру обчистим, где профессор живет.

— Не буду, — буркнул Гриша.

Его остановил худой желтый мужчина с остановившимися глазами и угостил сигаретой.

Судя по запаху, это была марихуана.

— Не хочу, — бросил Гриша.

Как-то он столкнулся с человеком в рясе.

— Хочешь, отрок, в духовную семинарию? Бога познаешь!

— Иди к черту! — кинул Гриша.

Его обхаживали спекулянты, валютчики, насильники и даже один человек в темных очках и с усиками. «Шпион!» — догадался Гриша.

Он всем показывал комсомольский билет, язык, кулак и все, что в таких случаях показывают.

Спас его белозубый парень лет двадцати пяти, токарь-универсал, передовик производства, ударник труда, председатель кассы взаимопомощи и участник художественной самодеятельности.

Он одолжил Грише денег, подарил «Запорожец», подыскал работу, выхлопотал квартиру и вернул парню веру в людей.

Теперь Гришу облагораживает труд, он выполняет норму на 350 %, его фотография не сходит с доски почета.

Он счастлив.

ПРИМОРСКИЙ ДРАКОН

(Фаниль Искандер)

Рефлексирующий доцент Аггей Псабашкаров поймал барабульку. Потом он поймал себя на мысли, что думает не о барабульках, а о женщинах.

Женщины занимали в жизни Аггея Псабашкарова огромное место. Он и на исторический пошел, потому что запутался в историях с женщинами. Он не понимал, что с ним происходит, а когда понял, то перестал понимать все остальное.

Он стал думать о своей жене, которая его не понимала, а если понимала, то ночью, да и то редко. У нее были восхитительные ноги, точеный носик, коралловый ротик, перламутровые зубки, грудь напоминала два нежных персика, кожа пахла айвовым вареньем, глаза цвета спелого инжира излучали волнующий матовый блеск, а бедра были такие, что сравнить их в окрестностях Хусума было не с чем...

Первая встреча с женщиной произошла у Аггея Псабашкарова еще когда он учился. Завалив ботанику, он шел по родному Хусуму и вдруг увидел ее. Она была старше, у нее были восхитительные ноги (см.

выше), она спросила, как пройти к морю. Он не ответил, бросился на нее и поцеловал, она ответила на поцелуй, он увел ее к морю и уже после всего, уходя и прощаясь, она дала ему рубль.

Вторую он увидел уже в Москве в Сокольниках. Она побежала, он побежал за ней, они пробежали мимо трех вокзалов, пересекли Садовое кольцо, потом мимо памятника Минину и Пожарскому добежали до площади Ногина и побежали дальше. В районе Химок он потерял ее, тосковал восемь минут, после чего увлекся следующей.

Он вспомнил свою третью девушку. У нее были восхитительные ноги (см. выше), он погнался за ней недалеко от общежития университета и догнал. И уже, когда все случилось, она лукаво улыбнулась ему и, убегая, крикнула:

— Я тебе завтра историю сдаю! Пока!

Аггей был потрясен ее цинизмом.

Почему мне попадают такие, думал он, в сотый раз находя в толпе восхитительные ноги (см. выше), почему моя душа и тело, созданные для целомудрия и покоя, вечно бродят в поисках этих лживых, порочных, алчных, глупых, но таких соблазнительных созданий...

Он понимал, что никогда не поймет причину своего непонимания, и понимание этого делало его непонимание понятным.

...Поставив последнюю точку в своей исповеди, Аггей скушал барабульку и отправился в редакцию журнала. Его встретила редактор, совсем еще молодая женщина, хорошенькая, кокетливая, очаровательная...

У нее были восхитительные ноги!..

МИЛЕНЬКИЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОНЧИК (Варвара Карбовская)

Моя чудненькая, дивненькая, прелестненькая читательница, мой добренький, славненький, снисходительненький читатель! Что вы делали до того, как обратили свое вниманьице на мой очаровательный фельетончик? Может быть, вы стояли у станочка и выдавали детальки, перевыполняя производственный планчик? Или стирали любимому носочки и кальсончики, чтобы его настроеньице и без того превосходнейшее, подскочило до поистине космической высотульки? А может, вы держали на коленочках симпатичненького внучонка и вытирали ему платочком сопельки, текущие из носика? Но что бы вы ни делали, дорогие мои читатели, я прошу вас, я умоляю, дочитайте мое сочиненьице до кончика и возобновите прерванные занятия! Я так сильно, так нежно, так пылко, как только могу, желаю вам всего самого хорошенького, огромненького и чистенького!

Дорогие мои женщины (девушки и бабушки), я очень-очень сильно люблю вас (ведь я сама женщина и жена!). Кладите в супчик укропчик и репчатый лучок в малосольную селедочку! Режьте ананасики, рябчиков жуйте — вы заслужили это правочко самоотверженной работеночкой! Мойте посудочку тепленькой водичкой, чтобы в желудочек не проникли микробышки! Смейтесь, улыбайтесь, завивайтесь, одевайтесь, раздевайтесь, переодевайтесь! Ах, как мне надо, чтобы все вы были красивенькие, модненькие, беленькие, розовенькие и голубенькие в крапинку! Я до спазмочек в горлышке счастлива, если вы счастливы!

Так пусть же мой очередной хронический фельетончик войдет в каждую душеньку и сердечко к устроит там крохотуленький лирический пожарник! Всем, всем вам приветичек, а мне славонька....

ПРАВА ЗАБВЕНИЯ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ БОГ ЛАНЖЕРОНА (Валентин Катаев)

Порох...

...мне было тогда примерно шесть лет девять месяцев и восемнадцать дней. Утром девятнадцатого дня я узнал, что порох изобрели китайцы. И еще я узнал, что порох взрывается.

Забыл имя, отчество и фамилию того великовозрастного гимназиста, который сообщил мне, что порох делается из манной каши, селитры, медного купороса и касторки. За эти сведения он взял с меня полтинник.

Анархисты...

Содрогаясь от ужаса, медный купорос я украл у папы, касторку — у младшего брата Женечки, манной кашей меня ежедневно кормила тетя, а селитру подарили анархисты, которые в ту пору у нас в Одессе было великое множество.

Старушка...

Кажется, ее фамилия была фон Студебеккер-Буонапарте. Впрочем, если даже ее звали как-то иначе, то теперь это не имеет уже никакого значения.

Она жила около нас в маленьком флигеле. Взорвать этот флигель было мечтой моего детства. Теперь я понимаю, как это бесчеловечно... Добрая старушка часто угощала меня халвой «Иоганн Себастиан Вах», утирала мне нос ветхим батистовым платочком и пела колыбельную песню «Ужасно шумно в доме Шнеерсона».

...и вот бомба готова...

Сделанная из старого микроскопа, клистирной трубки с электрическим взрывателем, набитая первосортным порохом, она была великолепна! Я закопал ее в снег, направив дулом в окно старушки фон Студебеккер-Буонапарте.

Я вам не скажу за всю Одессу, но я ночью спал плохо. Мне снились бегущий за мной дюк Ришелье и смертная казнь через повешение.

Разочарование.

...до сих пор не могу понять, почему она не взорвалась. Догадываюсь, что всему виной манная каша. Ее, очевидно, склевали воробьи, привлеченные запахом касторки. А микроскоп с электрическим взрывателем выбросил на свалку дворник Макдональд, двадцать девятый поклонник моей незабвенной тетушки.

СОЛЕННЫЙ КОТ

(Виктор Конецкий)

Все началось в море. Мы тоже вышли из моря, но забыли об этом.

Я сидел на клотике и думал о Фидии. Мидии плавали где-то внизу я не обращали на меня внимания.

Я думал о том, что обязательно буду, писателем. Было ясно, что настоящим писателем, как Виктор Гюго или Юлиан Семенов, мне никогда не стать, но желание было огромным.

В жизни все относительно. Прав был старик Эйнштейн. Я с ним совершенно согласен. Эйнштейн — это голова. Наш старпом дядя Вася — тоже голова. Сидя в галюне, он читает Метерлинка в подлиннике.

И тут я вспомнил о Крузенштерне. Он был адмиралом и проплыл вокруг света. Он не писал путевых заметок, поэтому у его команды никогда не вяли уши.

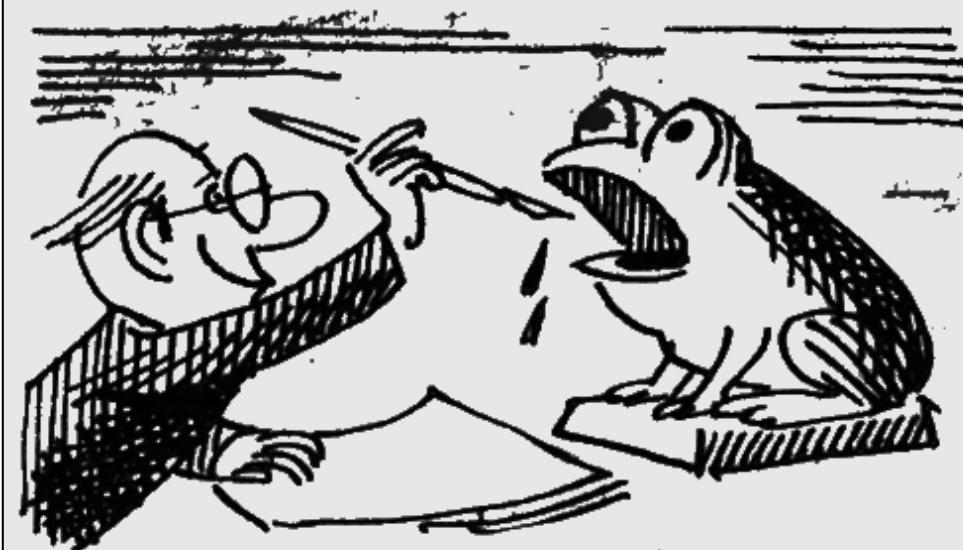
Корабельный кот смотрел на меня из трюма зеленым глазом. Мы не любили друг друга. Он был соленым, как моя проза. К тому же он презирал психоанализ и вечно путал экзистенциализм с акселерацией. За время плававши он облысел, чем вызывал во мне глухое раздражение.

Я сплюнул вниз, застегнул бушлат и стал думать о вечности.

Что-то стало холодать.

ЛЯГУШКА ИЗ СКАЗКИ

(Владимир Лидин)

Я обул новенькие галоши, нахлобучил велюровую шляпу и стал похож на пирата Джона Сильвера из книги Р. Л. Стивенсона.

«Остров сокровищ» написал не я. К тому же у меня две ноги и нет говорящего попугая, орущего: «Пиастры! Пиастры! Пиастры!» Но для чего писателю волшебный дар воображения? Я понял, что начало рассказа уже есть.

День был хотя и сырой, но чудесный. Ноги, разъезжались в жидкой грязи. Я шел по тропинке и оглянулся, услышав свое имя.

На тропинке сидела лягушка. «А что, — подумал я, — может быть, именно ее прапрабабушка вдохновила неизвестного создателя сказки о Царевне-лягушке?» Для писателя, вышедшего в поисках сюжета, это была уже завязка! И еще я подумал: как часто художественные произведения рождаются буквально из ничего!

Я положил лягушку в шляпу и проследовал дальше.

Навстречу мне шла дама. Я узнал ее сразу. Это была Жорж Санд с томиком Жоржа Мдивани.

— Здравствуйте, Жорж! — сказал я, протягивая ей шляпу.

Она порылась в ридикюле, но, заглянув в шляпу, в ужасе отшатнулась.

— Ну разве не прелесть! — продолжал я. — Хотите, я вам подарю ее. Она говорящая!

— Гран мерси! — сказала Жорж. — Одно из двух: или вы моветон, или крупный мыслитель!..

Это был уже конфликт! Приплясывая, я поспешил к дому. Рассказ вытанцовывался!..

Развязки не было. Просто на моем столе теперь всегда стоит сырая галоша. В ней сидит говорящая лягушка. Она смотрит на меня и печально молчит.

А я смотрю на нее и пишу.

САВВА ОЛЕГОВИЧ

(Виль Липатов)

Савва Олегович Огольцов, молодой тридцатилетий заместитель главного, разлагался со вкусом.

Природа-одарила его красотой и мощным телом культуриста, интеллектом и положением. Но Савве Олеговичу все надоело — деньги и женщины, особняки и машины, отдельные кабинеты в ресторанах и любимая работа, верная жена и жена товарища.

Страх, липкий страх преследовал его днем и ночью.

За глаза его называли «шизик», ХОТЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ОН БЫЛ ПАРАНОИК.

Савва Олегович родился в деревне, и это обстоятельство наложило на его облик отпечаток изысканного аристократизма.

Обладая возможностью иметь все, Савва Олегович все и имел. Он брал, имел, пользовался, но как он не любил брать! Как он страдал от того, что имеет! Как он мучился, когда пользовался!

Савва Олегович ненадолго выздоровел лишь однажды, спутав лосины с лососиной. Смеялся весь трест, Савва Олегович аристократически высморкался, вытер пальцы батистовым платочком и убил одного из весельчаков. Смех прекратился, А ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ЗАБОЛЕЛ СНОВА. И вовсе не потому, что за это ему дали выговор с занесением в учетную карточку. Безотчетный страх возник снова.

Савва Олегович совсем опустил свой породистый нос, сдвинул соболиные брови и однажды бессонной ночью дал по лебединой шее любимой жене Биплане, дочери знаменитого на весь мир начальника жэка.

Как директор сплавной конторы, а теперь и заместитель главного, Савва Олегович имел дело с лесом и, конечно, наломал дров. Сплавить дело не удалось, и Савва Олегович заскучал. Ему даже в тюрьму не хотелось.

«Ладушки!» — бормотал он, страдальчески морщась, натягивал на широкие плечи дубленку, с отвращением садился в черную «Волгу», с гримасой гадливости ел икру, с ненавистью овладевал падающими на

него со всех сторон самыми красивыми женщинами Ломска и боялся!
Смертельно боялся только одного — как бы все это не кончилось...

ЧИСТЫЕ ГЛАЗА ИСКУССТВА

(Виктор Лихоносов)

Егора приняли.

Он уже слышал о Яблочкиной, шел как-то по Трифоновке за Раневской, видел, как Жаров выпил однажды стакан компота.

Он был носат, сутуловат, чуть кривоног, слегка хромал и заикался. В театральное он прошел с триумфом.

Льняные кудри падали на его широкие плечи. Девочки его любили.

Но больше всех поражал Варсонофий.

В убогой комнатухе общежития он появлялся внезапно.

— Морды! — кричал он, запуская дырявым сапогом в венецианское зеркало. — Заразы! Что вы знаете о святом искусстве, рожи! Что вы лыбьтесь, как троглодиты? Пресвятая Маруся, я был невинным! Где у вас туалет? Я играл короля Лира. Я так играл короля Лира, что Михоэлс хотел бросить сцену. В меня. Не подходите, я вас уроню! Квазимоды! Я хочу в сумасшедший дом, но меня не берут! Балда, ты не читал Баркова!.. Я талантливый! Поклянись, что я вам уже дорог! Сдавайте карты, кретины! Мы встретимся на кладбище.

Меня погубила старая стерва Занзибарская. Ее подучил геморрой-любовник не то из Сызрани, не то из Краснодара. Вы смотрели «Кубанские казаки»? Там должен был играть я... Морды! Вы меня не забудете? Со святыми упоко-о-ой! Не перебивайте меня, я припадочный!!

Егор икал от удивления. Столица!

— Ты чу-удный! — говорила Лиза, целуя его.

Его дела шли блестяще. Поцеловав Лизу, он шел к Наташе. Целуя, она прочила ему славу Николая Симонова, имея в виду Константина, потому, что Евгений уже тогда был у вахтанговцев.

Целуя ее, он мужал.

Потом бросил все и уехал в Сибирь. Оттуда через Мангышлак махнул на Дон. Написал Варсонофию.

«Морда, — писал он, — ты меня не забудешь? Искусство — это не для меня. Я жить хочу, Наташа любила меня, а я обозвал ее трубадурой. На том свете меня поставят вниз головой. Я хочу быть кочегаром, плотником и монтажником-высотником. Пиши мне, кретин, а я тебе. Потом мы издадим нашу переписку и станем прозаиками. Резервуар, как говорят французы. Целую в диафрагму. Твой Егор».

Прочитав письмо, Варсонофий заплавал.

— Господи! — вздохнул он. — Писали же о нас когда-то... «Театральный роман» вот помню... А теперь?

И он всхлипнул лихо носом.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

(Виктор Тельпугов)

ВЕСНА

После зимы обычно бывает весна.

Наливаются почки, появляются листочки, поют птички.

Бакенщик Михеич греется на солнышке. Ему девяносто девять лет.

Через год будет сто. Еще через год — сто один.

Будь здоров, Михеич!

СТОЛБЫ

Телеграфные столбы гудят. Почему они гудят, я не знаю. Они гудят так: «Ууу-ууу-ууу!..» Узнать вы, о чем?.. Но разве узнаешь!..

Я пишу о том, как гудят столбы.

СПИНОЗА

Великой голландец Бенедикт Спиноза шлифовал линзы. Я шлифую слова и ем голландский сыр.

Вот ведь как бывает, жизни!

МАНЯ

Новорожденная Маня сучит ножками и плачет. Я надуваю губы, «гугукаю» тщетно. Пою «Пусть всегда будет солнце» — напрасно. Я чмокаю губами, мекаю, вякаю, тюкаю, твякаю, мяукаю, сюсюкаю — Маня заливается слезами.

— Я беру ее на руки. На мне новый костюм. Э, вот оно что!.. Ого!.. Славная девочка. Быть ей писательницей!

ГОРИ ОНО ОГНЕМ!

(Виктория Токарева)

Свой талант я ощущаю по утрам. И ежедневно с 9 до 12 отдаю его человечеству.

В воскресенье я встаю в десять пятнадцать и сажусь писать рассказ о своей подруге детства. Ее зовут Рената. У нее красивые волосы, стройные ноги и глаза беременной ехидцы.

Рената работает Бюро эстетики. Она путает эстетику с косметикой, но ей нравится слово «бюро».

У нее был муж по фамилии Христорозупуло. В прошлом году он навсегда уехал в Аддис-Абебу стрелять пингвинов. Об этом он мечтал с детства.

За Ренатой уже двенадцать лет ухаживает Кузькин по прозвищу «Членистоногий». У них двое детей и «Жигули». Они не любят друг друга, но делают вид, что любят. Он кинооператор-подводник. Во время съемок акула откусила ему два пальца. С тех пор он немного прихрамывает и невнимательно застегивает брюки. О Ренате он говорит: «Это ей как два пальца откусить».

Если бы Рената была космонавтом, то давно улетела бы к Кузькиной матери. Она любит ее всеми фибрами и хромосомами. Если бы это случилось, Кузькин, осознав свою не востребованность, с удовольствием захромал бы на свои съемки. И, может быть, разыскал ту акулу...

...Они входят в ту минуту, когда я подношу к бумаге свой «паркер».

— Пишешь? — спрашивает Рената.

Она видит, что я пишу, но ей нравится действовать мне на нервы.

— Пишу, — отвечаю я, хотя уже не пишу, а испытываю желание завывать с постепенным крещендо.

— Что такое любовь? — спрашивает Кузькин. Вопрос обращен ко мне. Как будто я Марина Влади, Черчилль или Коперник!

— Любовь — это болезнь, похожая на аппендицит, — говорю я.

Кузькин хохочет. Это кажется ему остроумным.

Он хохочет, а у меня повышается субфебрильная температура.

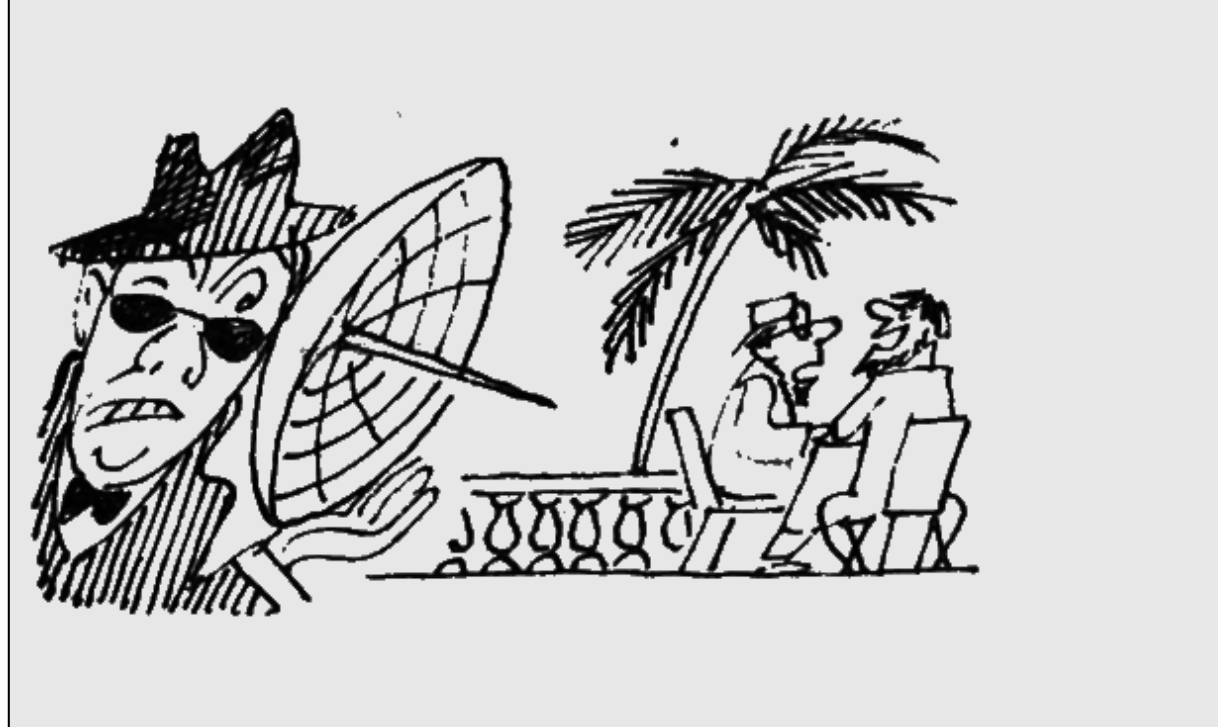
Мои глаза наполняются слезами. Я понимаю, что день пропал.

Я вспоминаю Христозопуло, с ним мы дружили в школе. Уезжая, он мне сказал:

— Рената дура. А Виктория значит «победа». В жизни нет счастья, девочка. А если тебе захочется чего-нибудь щемящего, сунь голову в пасть медведя. Лучше гималайского.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В НЕЙТРИНЕ (Николай Тoman)

По мотивам повести «Неизвестная земля»

— Так о чем я? — говорит профессор Беркутов.

— О константе взаимодействия Ферми в эксперименте по упругому рассеянию антинейтрино на протонах, — отвечает Баклажан.

Они сидят за столиком на веранде. Солнце ярко светит над Гагрой.

Писатель Никанор Валерьянович Баклажан, приключенец и фантаст, беседует с профессором Беркутовым о проблемах слабых взаимодействий.

Весь стол завален у них схемами, расчетами, чертежами и формулами, на который стоит гриф «Совершенно секретно».

— Не забудьте о волновых функциях гармонического осциллятора поля, — говорит профессор. — Имейте также в виду пространственное описание квантового состояния нейтринного поля, лоренцово

вращение, реперные компоненты лагранжиана и истинную тензорную плотность третьего ранга.

— А связано ли спинорное поле с существованием мелкозернистой топологии? — задумчиво спрашивает Баклажан и переходит к оценке возмущения нейтринного поля в вакуумном состоянии.

Вместо ответа Беркутов начинает торопливо писать на листе бумаги релятивистское волновое уравнение для нейтрино в искривленном пространстве в дираковской четырехкомпонентной форме и двухкомпонентной форме Паули-Ли-Янга.

Нюра, племянница Беркутова, сидит с ним и явно скучает. Она не отрывает взгляда от лица молодого человека за соседним столиком, хотя по его лицу видно, что он фарцовщик, алкоголик и наркоман.

Он сидит с человеком джентльменской наружности, который, наклонившись к нему, шепчет:

— Вы понимаете, о чем они говорят?.

— Да где нам, дядя Вася, — уныло бормочет фарцовщик по имени Серафим Полушкин. — Мы больше по части Христа продать. Иконки то есть...

— Христа продавай, пока я вас не завербовал! — яростно хрипит «дядя Вася». — Нам надо узнавать, что происходит в нейтрино! Этого требуйте босс! Сделаем вот что, — от волнения он переходит на чистейший русский язык. — Вы подойдете к ним с одной стороны и постараетесь незаметно положить ноги на стол — в левой подошве у вас вмонтирован новейший микрофотоаппарат «Пи-пи-си». А я отвлеку их с другой стороны.

За третьим столиком сидят тоже двое. Один плотный, бритоголовый мужчина средних лет с умными усталыми глазами. Любой второгодник догадается, что его фамилия если не Пронин, то уж наверняка Быстров. А седина на висках наталкивает на мысль, что он уже не майор, а подполковник.

Второй — юный, широкоплечий, видимо, очень сильный, с густыми светлыми волосами, падающими на смуглое лицо, с прекрасными белыми зубами и ясными синими глазами. Он хмуро смотрит на Нюру, не отрывающую глаз от лица молодого христопродавца.

Тем временем Серафим Полушкин и его собеседник подходят к столику Беркутова и Баклажана с двух сторон.

В ту же секунду юноша с хрустом заламывает руки и ноги Полушкина за спину, а Быстров (Пронин) приставляет холодное дуло пистолета к спине «джентльмена» со словами:

— Руки вверх, Ланкастер!

Нюра, поняв свою ошибку, устремляет красивые глаза на юношу и застенчиво шепчет:

— Приходите сегодня к нам на танцы.

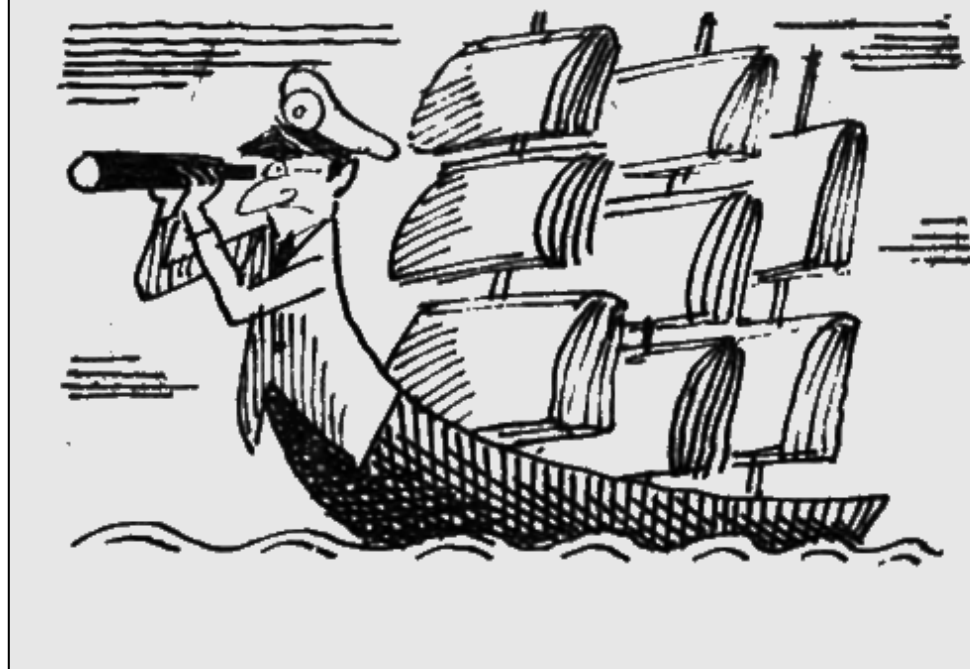
Лейтенант улыбается и от избытка чувств так ударяет Серафима Полушкина кулаком по шее, что у того внутри что-то трескается и он обмякает.

Когда шпионов уводят, Беркутов продолжает:

— Кстати, а является ли метрический континуум некоей магической средой, которая в одном случае, будучи искривленной, представляет гравитационное поле, в другом, будучи локально скрученной, — долгоживущие концентрации массы-энергии?

— Да! — говорит Баклажан. — Несомненно! — И со счастливой улыбкой откидывается на спинку кресла. Он знает теперь, о чем будет его следующая повестушка.

СЛАВА БОЦМАНА МУРЕНОВА (Константин Паустовский)

У боцмана Муренова тряслись голова и уши.

— Вы не знаете, — кричал он, — вы не знаете, кто я! Я артист! Вы не были в Африке. Мальчишки! Вы не знаете, как пахнут спелые фиги! Они пахнут фигово! Вы не видели обезьяньего счастья. О Генрих Гейне, Генрих Гейне, почему ты не ловил со мной форель на Котельнической набережной!..

Африканскую ночь написал Гоген.

Пышное солнце, будто сошедшее со страниц Анатоля Франса, напоминало апельсин, который раздавила мадам Лисапед на углу Ришельевской у магазина Альшванга.

— Вас не баюкали на пиратском корабле напевы Чимарозо! — крикнул боцман, и серые слезы потекли по его рыжей бороде.

Варвара, сестра старого боцмана, подошла к нам. В руках она держала секстан, похожий на эолову арфу.

От Варвары пряно пахло луком и страстью.

Она подошла к нам вплотную, и грудь ее заколыхалась, как блистающие облака над розовым морем в изумрудной Балаклавe.

— Старый шарлатан! — воскликнула она свистящим басом. — Сухопутная крыса! Он уже сидит здесь и ничего, не знает. Боже ж ты мой! Поимей в виду, я имею через тебя неприятность. Наш крокодил перепил английской соды и ругается по-французски. Это какой-то бедлам!

— Да, — печально сказал Муренов и заплакал, — у меня на языке типун. Налейте мне вина. Что понимаешь ты, гомеопатка, в тоске бегемота? Что значат крокодиловы слезы для твоей пропахшей клопами души?

Из секстана полились звуки Грига.

Грязно-белый кот по прозвищу «Десять процентов» потерялся о Варварины ноги.

Боцман Муренов вышел во двор.

Журчащие звуки наполнили наши сердца восторгом, близким к неземному блаженству

МАТЕРОЕ ПРОЩАНИЕ

(Валентин Распутин)

Поднялась Ангара, затоплять стало остров и деревню.

Да тут еще где-то ГЭС городить начали, Евтушенка туда из Америки приехал, в общем, пошло дело.

Вот-вот затопит!

Старик Богувдул мог только рычать и матюкаться. За та и любили его старухи: как загнет так и вспоминается молодость...

Старухи собирались за самоваром, жгли лучину, скырмыкали, жулькали, прукали и говорели, говорели:

— Опосле очередного, значитця, навроде лутше посередь.

— Однуё назадь утресь-то присбираться. А куды от ее?

— Да хоть туды! Куды держим.

— Издрябнем. Здря-я-а!

— Ниче! Скокова тутака тростить, ишо тамака надоть тепери вяклить...

— Опеть доджик, то ли ишо чё?

— Ли чё ли?

— Хучь седни, сподоби, господи, остатний рад хочесь очураться!

— Дак ишо щас об етим самдели не как-нить, а покуль о им сраму отерпать...

— В грудях тошно...

Не разговоры — наслаждение! Кто понимает...

Но как ни бодрились любимые героини моих романов, пришло время отдавать богу душу.

Посреди острова очередь образовалась, приемный пункт в старой бане открыли. Бог на катере приплыл из Иркутска.

Отдали — и всем легче стало.

Дурноматом рычал Богувдул.

Ангара разливалась. Только рыба дохла от прозы и пессимизма.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

(Дмитрий Холендро)

Галя была маленькая, все у нее было маленькое, и даже рассказ о ней получился маленький.

Работала она завклубом. Клуб сельский, маленький, село маленькое, и даже море из маленького окошка казалось маленьким.

Влюбился в нее местный бандит Коля Вряк, большой, все у него было большое, большой он был дурак, и чувство его к Гале было большим и чистым.

Большими пальцами он терзал балалайку, вздыхал, изредка избивал односельчан, читал Агату Кристи.

А Галя плакала, не зная, как написать отцу. Ведь он старенький, седенький, и сердце у него было слабенькое. И он ее любил.

— Коля, — говорила она.

— Нельзя? — спрашивал он, и, легонько размахнувшись, бросал в море эвкалипты....

— Ну почему я такая маленькая и глупенькая? — плакала Галя.

И рассказ маленький, тепленький такой, но все равно, как ни крути, художественное произведение...

ДРУГОЕ ПРОЩАНИЕ (Юрий Трифонов)

Она проснулась. хотя не спала уже два года и стала думать о ревности, какое это глупое чувство, особенно теперь, когда его нет и чувства тоже нет, а что есть, и есть ли вообще что-нибудь, она не знала.

Она вспомнила, как они познакомились, и он пленил ее тем, что мог, не задумываясь, произносить слова наоборот, как она крикнула: «Электрификация!», — уверенная, что он запнется, не сможет сразу, а он немедленно сказал: «Яицакифирткелэ», — они проверили, оказалось все точно, она засмеялась и уехала с ним в Ялту.

Он писал диссертацию, тема интереснейшая, исторический казус, вернее парадокс — жил ли денщик генерал-аншефа Дурново Никифор в октябре — ноябре 1913 с кухаркой Грушей, а если не жил, то откуда у Груши в самый канун первой империалистической ребенок. Он и ребенка этого разыскал, живет в Париже, командировку в Париж ему не дали, ученый секретарь сказал только: «Вы что, *охренели?*^[1]» — а ведь учились вместе, сидели за одной партой, он написал тому в Париж, ответ пришел только через полгода из прокуратуры. Потом пришло

письмо из клиники, приглашали на конференцию, обсуждали что-то вроде наличия навязчивой идеи при отсутствии диссертабельности. Сережа бешено хохотал, крича при этом: «Пусть у них голова остынет!» — свекровь обвиняла во всем Ольгу Васильевну, хотя маразм старухи крепчал день ото дня и это было неправдой.

Потом в их жизнь вошел спиритизм, черная и белая магия, оккультизм и парапсихология. Она мучилась, ей казалось, что психология ему не пара, боялась, что ему пара — Мара из пивного бара, где он ежедневно обмывал свои неудачи.

Плохо было и с дочерью — Ирка совсем от рук отбилась, тринадцать лет, трудный возраст, встречалась с Борей, мать Ольги Васильевны у него училась, восемьдесят первого года рождения, прекрасно сохранился, академик, ездила с ним на каток, академик блял от радости, стучаясь библейской лысиной об лед, обещал жениться, как только разрешит его мама, а Ирка возвращалась под утро, грубила Ольге Васильевне, а потом рыдала, и она рыдала тоже, а нарыдавшись, пили чай на кухне, ловили за усы рыжих тараканов и запускали ночью под дверь в комнату свекрови — ей тоже одиноко, хотя в прошлом она юрист и знакома с Луначарским.

Все это было утомительно и непонятно, она понимала, что прощание оказалось слишком *долгим* и надо было начинать *другую жизнь в новом мире*.

КРАСНАЯ ПАШЕЧКА

(Людмила Уварова)

В конце лета мать с трудом оторвала голову от подушки и слабым голосом позвала Пашечку.

Уж лет десять прошло с тех пор, как ушел от нее муж, Пашечкин отец, красавец, певун, гулена, бабник, любитель выпить и закусить.

Мать слегла. Врачи определили полиомиелит, потерю памяти, тахикардию, с перемежающейся экстрасистолой, хронический гастрит, чесотку и энцефалопатический синдром.

— Сходи к бабушке, дочка, — прошептала мать. — Отнеси ей пирожков. Пусть порадуетя. Недолго уж ей осталось.

Мать хитрила. Она сама чувствовала приближение рокового конца и хотела отослать дочь подальше...

Бабушка жила одна в глухом лесу, где до ухода на пенсию по инвалидности работала уборщицей в театре оперы и балета.

Как-то, заменяя внезапно умершую балерину, она упала в оркестровую яму, сломала ноги, руки, шею, позвоночник и выбила

зубы.

С тех пор уже не вставала.

Раз в год Пашечка носила ей пирожки с начинкой из продукции фирмы «Гедеон Рихтер». Бабушка радовалась, ничего не видя и не слыша, и только выбивала желтой пяткой мелодию вальса «Амурские волны».

Вот и сейчас Пашечка собрала корзинку и, тяжело опираясь на костыли, вышла из дому.

Все называли ее Красной Пашечкой из-за нездорового румянца, который был у нее с детства. Она страдала рахитом, эпилепсией, слуховыми галлюцинациями и аневризмой аорты. И ходила поэтому с трудом.

На лесной тропинке встретился ей Алексей Сергеевич Волк, лучший в лесу хирург, золотые зубы, резавший безболезненно и мгновенно.

У него было размягчение мозга, и он знал это. Жить оставалось считанные минуты.

Еле передвигая ноги, Волк подошел к упавшей от изнеможения Красной Пашечке. Она слабо улыбнулась.

— К бабушке? — тихо спросил Волк.

— К ней.

— Поздно, — сказал Волк и, привалившись к березе, дал дуба.

Пашечка вздохнула и отошла. Последнее, что она увидела, был пробежавший мимо хромой заяц с явными признаками язвы желудка и цирроза печени.

Она приказала ему долго жить.

СЕРЕБРЯНОЕ СЕРДЦЕ

(Владимир Чивилихин)

Удивительный человек Алексей Шерешперников!

Кряжистый, поперек себя ширше. Хотя я не чалдон, а к Сибири прикипел, в урманах спал, пихтой укрывался.

Образованный, даже таблицу умножения чуть ли не наизусть помнил.

Одно слово — изыскатель.

Еще со студенческой скамьи умных разговоров не переваривал. Когда затевался разговор о любви там или о княжестве Монако, молча поворачивался и уходил в спортзал. Брал пару двухпудовок и в окно к спорщикам... Шутил. Кровь молодая, горячая.

Молчун. Безответный, слова не вытянешь. Но смеяться любил смачно, заразительно, без причины. И пел.

Жену свою видел два раза. Любил крепко.

А интеллигентной пижонники не терпел.

Слов на ветер не бросал. Да и знал их не много: от силы тридцать пять — сорок, в том числе «однако».

Зато работник был замечательный, золотая голова, серебряное сердце, медные волосы, железные кулаки.

Однажды на него напал медведь. На крик медведя сбежались люди из соседних партий. Прибежали, видят — мокрое место, а Шерешперников сидит и плачет.

Как-то доверил студенту-практиканту сопку взорвать. Динамит из Новосибирска самолетом доставили. А сам на ту сопку спать лег, умаялся за день, забыл... Под Абаканом дело было. Очнулся в Переделкино. Ну раз такое дело, в Москву съездил. Не понравилось. Квартиры отдельные, спать на кровати, сидеть на диване, если что — санузел. Махнул рукой и махнул назад. А студенту тому только и сказал, усмехнувшись:

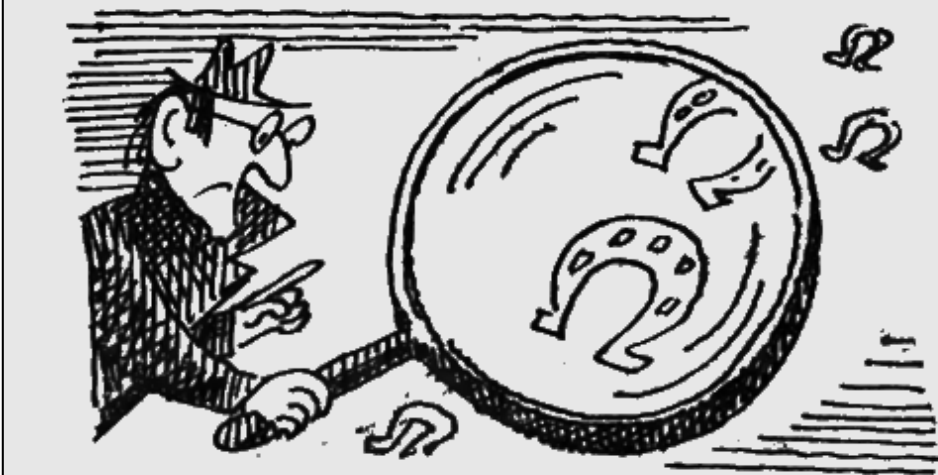
— Теодолит твою в кедрач!

Сколько трасс приложил он по Сибири, скольких начальников обложил по России-матушке, о том одни кержаки знают. Знают, но молчат. Мне только и рассказали.

Шайтан, однако, мужик!

УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

(Лев Шейнин)

Вряд ли кому памятна любопытнейшая история, приключившаяся с бывшей русским царем Петром Первым, и уж наверняка никто не знает, какую роль в его жизни сыграл известный некогда Капитан Немо, никакого, впрочем, отношения к подводному плаванию не имевший, но тепло отзывавшийся о своем всемирно известном тезке за пренебрежение к общепринятым законам.

...В то далекое время я был мальчишкой и работал старшим следователем в городской прокуратуре.

Ранним утром мне сообщили, что ночью при загадочных обстоятельствах исчез гражданин средних лет, атлетического сложения, по паспорту Романов Петр Алексеевич, к суду ранее не привлекавшийся, но известный в городе под кличкой «Медный всадник». Как выяснилось позднее, вместе с ним пропала и его породистая лошадь, которая, как это ни странно, по утверждениям знатоков, составляла с гражданином Романовым одно целое.

— Разыскать в течение суток! — коротко приказал прокурор.

— Не завидую вам, — посмеиваясь, сказал мне мой начальник, милейший Рубен Константинович, — дело сложное. Я возлагаю на вас всю ответственность и, таким образом, слагаю ее с себя. Но помогу чем возможно. Рассчитывайте на меня.

Слегка подумав, я приказал привести ко мне из камеры известного грабителя-рецидивиста Капитана Немо, прозванного так за справедливое сердце и умное выражение лица. До революции он слыл грозой сыскного отделения бывшей Российской империи и криминальных полиций всех европейских государств.

Он появился в кабинете несколько хмурый, но, увидев меня, просиял, улыбнулся и отвесил изысканный поклон.

— Я позволю себе надеяться, — проговорил он, — что только чрезвычайные обстоятельства заставили вас потревожить меня. Ибо, утром сон особенно крепок и доставляет весьма большое удовольствие, даже если... гм... приходится ночевать, извините, в тюрьме. Не примите это на свой счет, прошу вас. А теперь, извольте, я весь внимание.

Я смотрел на Ивана Павловича именно таким, было его настоящее имя, на одухотворенное, хотя и несколько утомленное лицо, и в голове у меня возник дерзкий план. Я решил сделать ставку на доверие. В двух словах рассказал о случившемся и попросил, если возможно, помочь.

— А что я буду за это иметь? — спросил он, лучезарно улыбаясь.

— Ровным счетом ничего.

Его лоб избородили морщины, и мысли некоторое время плутали по извилинам мозга, пока не приняли следующее словесное воплощение:

— Какая низость, какое мещанство — украсть коня, невзирая на пошлый запах лошадиного пота! Не имею чести лично знать пропавшего гражданина, но вполне разделяю ваше волнение. Лично я не мелкая сямка и не терплю фраеров. Я, заметьте, тридцать лет воровал и грабил. Но я люблю советскую власть, уважаю законы и лично вас, Лев Романович. И поэтому изнываю от возмущения и пухну от чувства протеста. И готов под честное слово оказать криминалистике любые услуги. Вы знаете мои принципы: пропажа будет, человека не будет.

С этими словами он встал, отвесил земной поклон, помолился на мою фотографию, которую всегда носил в левом, внутреннем кармане пиджака, и отправился на главную секретную малину по адресу

Зеленый бульвар, дом 7, квартира 30. Для скорости и успеха дела я дал ему нашу единственную машину и все свои наличные деньги. А сам остался в кабинете, раздираемый противоречивыми мыслями.

— Если твой подопечный сбежит, тебя повесят, — сказал добрейший Рубен Константинович и, вздохнув, ушел намыливать веревку.

Тем временем Капитан Немо собрал всех главных воров на секретной малине. Прикатав нашему шоферу обождать внизу, он присоединился к собравшимся и произнес такую речь:

— Срам на ваши светлые головы! — так начал он, делая жест, которому позавидовали бы Кони и Плевако. — Вы троглодиты капитализма, а не честные советские уголовники! Вы буржуазная накипь на чистом теле обновленного общества! Пусть я умру от геморроя, если совесть не скажет вам свое презрительное «фэ»! Мало вам что ли оттопыренных карманов и прочих соблазнительных объектов! Всем нам сгореть в адском пламени позора. Признавайтесь, каины, кто увел эту проклятую статую?

Тут встал король налетчиков Филька-Профессор и, размазывая густые слезы по волосатой груди, признался, что это не его рук дело. Зяма-Хмырь высказал предположение, что кражу совершил не одессит, а какой-нибудь приезжий ублюдок из Москвы, Винницы или другого мелкого города.

— Надо найти! — решили все, вставая. — Иначе в дальнейшем просто невозможно воровать, имея нечистую совесть и пятно на мундире. У нас скандально мало времени. Итак, к делу! За Капитаном общее руководство, остальные — по местам!

Двадцать четыре часа в городе не было зарегистрировано ни одной кражи. За полминуты до истечения суток, данных мне на расследование, Капитал Немо вошел в мой кабинет, держа под мышкой злополучное творение Фальконе, аккуратно завернутое в газету.

— Только теперь я понял, как интересно работать сыщиком, — признался он, передавая мне пакет. — Но мне, знаете ли, поздно менять квалификацию. Кроме того, надо еще предстать перед судом, в чем, правда, я не испытываю ни малейшей потребности.

Мы расстались, я крепко пожал ему руку. Ой растроганно поцеловал меня в темя, где тогда росла еще богатая шевелюра, во что теперь, увы, трудно поверить.

— Пора ставить крест на прошлом, — сказал я на прощание. — Пора завязывать, Капитан. Не то время. Сами видите, как поворачивается жизнь. Идите, Иван Павлович. Я верю, вы еще будете полезным членам.

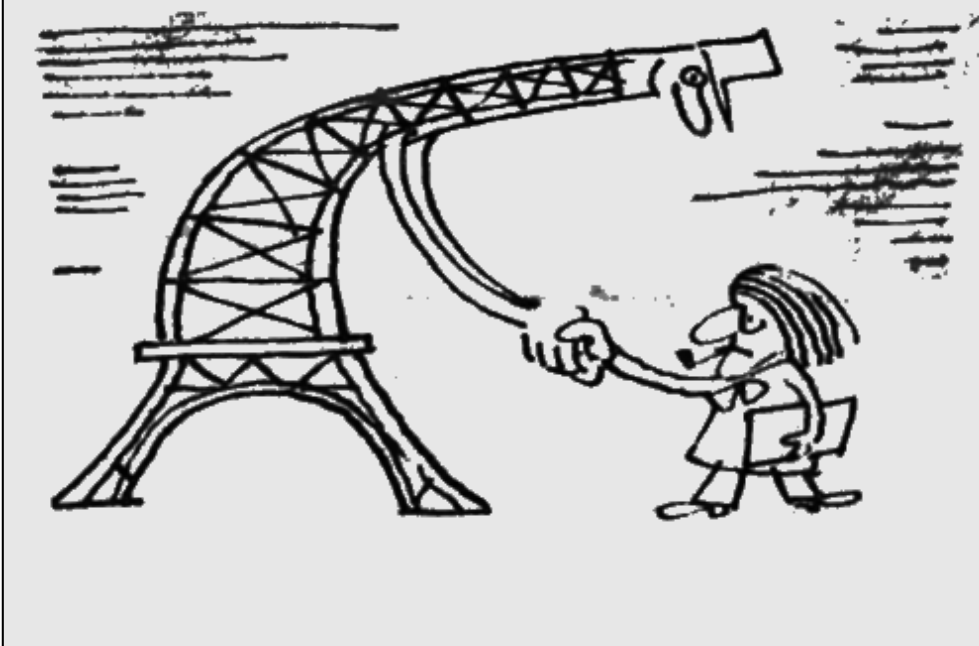
Суд, состоявшийся вскоре, учел его героическое поведение и не влепил ему по совокупной.

Что добавить в заключение? Много воды утекло с тех пор, много запутанных дел было распутано, но этот случай никогда не изгладится из моей памяти.

А с Капитаном Немо мы снова встретились. Простите, с бывшим Капитаном...

Иван Павлович трудится сейчас воспитателем детского сада. Скоро он собирается на пенсию и от нечего делать примется за мемуары, в которых главным действующим лицом буду я.

МЕРА, ХИМЕРА, Я (Илья Эренбург)

Когда я приехал в Париж в семьдесят первый раз, Эйфелева башня стояла на прежнем месте. Химеры Нотр-Дама вполголоса повторяли мои стихи: «Арбат мне с каждым годом ближе, привет Арбату из Парижа». Над Европой сгущался коклюш. Тигр Клемансо подхватил насморк и забросил его в Алжир. По всему чувствовалось, что без меня не обойдется. Толпы парижан осаждали отель, где я жил. Они скандировали: «В Африку, к макакам!» Полиция с трудом сдерживала толпу людей. Нужен был я. Все хотели пожать мне руку. Я подавал ее всем без разбора, так что через неделю почувствовал, что очень устал. Назревала эпидемия эренбургизма. Химеры Нотр-Дама перестали читать мои стихи и перешли на прозу. Одна из химер охрипла, у другой сделалась дизентерия. Помочь мог только я. Все стремились меня увидеть. Я не показывался, потому, что курил трубку и думал: что будет? Было всё. Журналисты фотографировали пепел, упавший к моим

ногам. Подойдя к окну, я увидел нечто удивительное, но не удивился. Все аплодировали.

Оказалось, что аплодируют мне. Лишь через сорок лет выяснилось, что меня приняли тогда за великую Дину Павлову. Прав был Блок, сказав мне по секрету: «Покой вам только снится»; ЛЮДИ жили, ГОДЫ шли, ЖИЗНЬ, как я и предполагал, шла тоже. Об атом мне сообщил Корнель де ля Чуковский. Он жил тогда без меня в Лондоне. «Дай отдохнуть и резервуару», — говаривал Косьма-Пьер Прутков. Оревуар. По-французски это означает «здрасьте, я ваша тетя».

НЕМУМУ

(Юрий Яковлев)

У вдового пожарника Драгунова жила кошка со смешным именем Немуму.

И вдруг у нее родились котята. Шесть крошечных, слепых, беспомощных, очаровательных малюток. Но суровый брандмейстер решил котят утопить.

Наутро он ваял мешок и, кряхтя, полез в подвал, где Немуму разместила свое потомство.

Кошка лежала на боку, а шесть пушистеньких комочков, прильнув к худенькому животику матери, чмокая и отпихивая друг друга, сосали молочко!

Просто удивительно, откуда у вечно голодной кошки бралось столько молока!

Драгунов потянулся грубой шершавой ручищей к беззащитному семейству, и вдруг рука его повисла в воздухе.

Немуму посмотрела на него таким взглядом, что будь на его месте любой прозаик, он бы почувствовал себя Тургеневым. Но Драгунов Тургенева не читал.

И вспомнилась вдруг пожарнику его мамка, худая, бледная, вечно недоедавшая. И сестренки, Дуня и Груня, тоже недоедавшие, худые и бледные. И себя вспомнил он, маленького, худенького, голенастенького, вечно голодного.

Щемящее чувство жалости охватило Драгунова. Он горько заплакал и понял, что уже никогда в жизни не сможет ни утопить котят, ни прихлопнуть комарика или мушку, ни раздавить клопика.

...Здесь трогательное речение рассказа прерывается. Не выдержав, зарыдал автор, сочинявший эту жалостливую историю. И вспомнил он своего любимого тестя, маленького, худенького, старенького, за обедом недоедавшего, оставлявшего на утро... И тещу — длиненькую, худенькую, будто вымоченную в уксусе, высохшую и тоже недоедавшую...

— Тут уж заплакали и читатели душещипательной котячьей эпопеи, принявшей такой неожиданный оборот. И вспомнились

читателям бабушки и дедушки, недоедавшие, недопивавшие, утонувшие, как котята, в безбрежном море жизни...

И что самое удивительное, на этом обрывается и пародия. В горле пародиста что-то защемило, забулькало, глаза невольно наполнились слезами. На недописанном листе бумаги расплылось лиловое пятно.

И вспомнил он свою тетю...

ДЕНИСОВ. Не нужна была бы, не отвинчивал бы.

ДИРЕКТОР. Для чего же вам понадобилась эта гайка?

ДЕНИСОВ. Гайка-то? Мы из гаек грузила делаем...

ДИРЕКТОР. Кто это мы?

ДЕНИСОВ. Мы, работники отдела...

ДИРЕКТОР. Послушайте, не прикидывайтесь идиотом, а говорите толком. Нечего тут про грузила врать!

ДЕНИСОВ. Никогда не врал, а тут вру... Да разве, товарищ директор, можно без грузила? Если вы живца или выполозка на крючок сажаете, то разве он пойдет ко дну без грузила? Вру... Черт ли в нем, в живце-то, если поверху плавать будет! Окунь, щука, налим всегда на донную идет, а наживку, которая поверху плавает, так ту разве только шилишпер схватит, да и то редко... В нашей реке не живет шилишпер... Эта рыба простор любит.

ДИРЕКТОР. Для чего вы мне про шилишпера рассказываете?

ДЕНИСОВ. Чего? Да ведь вы сами спрашиваете! У нас и доктора наук так ловят. Самый последний пионер не станет без грузила довить. Конечно, непонимающий, писатель там или артист, ну тот и без грузила пойдет ловить. Дураку закон не писан.

ДИРЕКТОР. Так вы говорите, что отвинтили эту гайку для того, чтобы сделать из нее грузило?

ДЕНИСОВ. А то что же? Не в покер же играть!

ДИРЕКТОР. Но для грузила вы могли взять свинец, пулю... гвоздик какой-нибудь...

ДЕНИСОВ. Свинец на шоссе Москва — Ленинград не найдешь, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не найти. И тяжелая и дыра есть.

ДИРЕКТОР. Дурачком каким прикидывается! Точно вчера родился или из космоса упал. Разве вы не понимаете, вы, физик, к чему ведет это отвинчивание? Недогляди дежурный, так ведь ядерный взрыв мог бы произойти, людей бы убило? Вы людей убили бы! Коллег?

ДЕНИСОВ. Да что вы, товарищ директор! Зачем убивать? Разве мы не члены профсоюза или экстремисты какие? И мыслей таких в голове не было. Институт с отличием, аспирантура... Что вы!

ДИРЕКТОР. А отчего, по-вашему, могут произойти аварии в таких центрах, как наш? Отвинти две-три гайки, вот тебе и авария!

ДЕНИСОВ. Ну! Уж сколько лет всем отделом гайки отвинчиваем, и, слава Жолиа-Кюри, все В порядке; а тут авария... людей убил... Если

бы я на «Жигулях», в этот синхрофазотрон врезался или, положим, бутылку «Камю» внутрь бросил, ну, тогда, пожалуй, взорвалось бы, а то... тьфу! гайка!

ДИРЕКТОР. Да поймите же...

ДЕНИСОВ. Это мы, физики, понимаем... Поэтому мы ведь не все отвинчиваем... оставляем... Не без ума делаем, понимаем.

ДИРЕКТОР. В прошлом году здесь чуть катастрофа не случилась. Теперь понятно, почему... Я понимаю!

ДЕНИСОВ. На то вы и академик, чтобы понимать. Министр знал, кого назначить. Вот вы и рассудили, как и что, а инженер тот... он же даже без степени!.. Хватает за шиворот и тащит... Ты рассуди по-научному, а потом и тащи! Имейте в виду, товарищ директор, что он меня два раза по зубам ударил, а я у частного вставлял! Никаких премиальных не хватает... А у меня сын студент и дочь в инязе...

ДИРЕКТОР. В вашем кабинете нашли еще одну гайку... Эту в каком месте вы отвинтили и когда?

ДЕНИСОВ. Это вы про ту гайку, что под пластинкой Окуджавы лежала?

ДИРЕКТОР. Не знаю, где она у вас лежала, но только нашли ее. Где вы ее отвинтили?

ДЕНИСОВ. Я ее не отвинчивал, ее мне профессор Игнатъев дал. Это я про ту, что под пластинкой Окуджавы, а ту, что между Мандельштамом и Цветаевой, мы вместе с Митрофановым вывинтили.

ДИРЕКТОР. С каким Митрофановым?

ДЕНИСОВ. С Митрофановым... Неужели не слышали. Член-корреспондент... Он неводом любит, ему много этих самых гаек требуется. На каждый невод штук десять...

ДИРЕКТОР. Послушайте, за всякое с умыслом повреждение государственной техники, да еще такой!.. Когда оно может подвергнуть опасности жизнь людей и виновный знал, что последствием этого должно быть несчастье... понимаете? Знал! А вы не могли не знать, к чему ведет это отвинчивание... он подвергается суровому наказанию.

ДЕНИСОВ. Конечно, Вы лучше знаете... Я не юрист. Брат у меня юрфак кончил...

ДИРЕКТОР. Все вы понимаете! Это вы лжете, прикидываетесь!

ДЕНИСОВ. Зачем лгать? Спросите в отделе, если не верите... Вез грузила только уклею ловят, а на что хуже пескаря, да и тот не пойдет

вам без грузила.

ДИРЕКТОР. Вы еще про шилишпера расскажите!

ДЕНИСОВ. Шилишпер у нас не водится. Пускаем леску поверх воды на бабочку, идет голавль, да и то редко.

Пауза

ДЕНИСОВ. Мне идти?

ДИРЕКТОР. Нет. Я должен устранить вас от работы и передать дело в прокуратуру.

ДЕНИСОВ. То есть как же устранить? Товарищ директор! Мне некогда, у меня семинар, с Егорова тридцатку да преферансик получить...

ДИРЕКТОР. Молчите, не мешайте.

ДЕНИСОВ. В прокуратуру... Было б за что, пошел бы, а то так... здорово живешь... За что? И не крал, кажется, ж не дрался... А если вы насчет семинара, то мы нагоним, не верьте Старостину. Вы академика Непременова спросите. Старостин дурак, хотя и доктор...

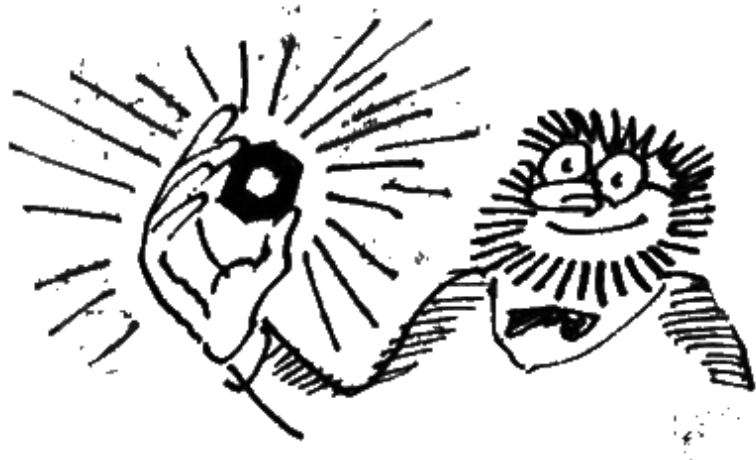
ДИРЕКТОР. Молчите!

ДЕНИСОВ. Я и так молчу. А что Старостин набрехал в парткоме, так- он давно под меня копает. Нас три брата: Кузьма Денисов, стало быть, юрист, Егор Денисов — посол, и я, Григорий Денисов.

ДИРЕКТОР. Вы мне мешаете. Эй, Семенов, уберите его!

(Дюжий референт берет и силой ведет упирающегося Денисова из кабинета.)...

ДЕНИСОВ. Нас три брата! Брат брата в обиду не даст! Судьи! Помер Курчатов, а то показал, бы он вам, директоришкам! Надо умеючи, не вря... Хоть и уволь, но чтоб за дело, по совести...

ЭПИГРАММЫ

Аркадий АДАМОВ

Следы, следы, следы, следы
Усеяли его труды.
Прочтешь — и новая беда:
Не остается ни следа!

Иракдий АНДРОНИКОВ

Кипеньем, страстью, живостью
Его отмечен путь.
Чем-чем, а молчаливостью
Его не попрекнуть...

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Страсть погружаться в глубь эпох.
Знать, не ослабла.
Литература, видит бог,
Эпохи Павла!

Василий АРДАМАТСКИЙ

Я много прочел приключенческих
книг,
Названий их помню созвездие.
Роман Ардаматского был среди них.
Клянусь, это было «Возмездие»...

Белла АХМАДУЛИНА

Она читала... Я внимал
То с восхищеньем, то с тоскою.
Нет, смысла я не понимал,

Но впечатленье — колдовское!

Раиса АХМАТОВА

«Нет, я не Байрон, я другой...» —
Писал поэт, презрев покой.
И у нее судьба такая.
Она — Ахматова. Другая.

Валентин БЕРЕСТОВ

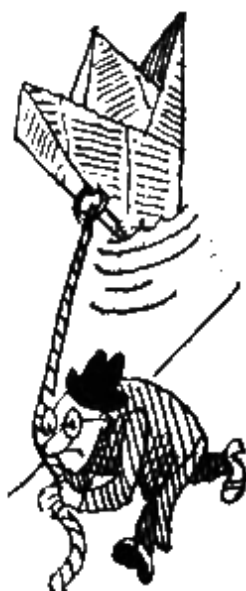
Он археолог. Но на все готовое
Он, как поэт, Являться не привык.
И, выдавая старое за новое,
Успеха добивается. Шутник!

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

Нам ли жалеть о временах иных,
О, бедные трагедии античности!
Страстей и бед вполне хватало в них,
Но не хватало им... оптимистичности.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Нас постоянно гложет страх
И аргумент волнует веский:
Что если вдруг в антимирах
Живет и Антивознесенский?

Игорь ВОЛГИН

Имя Волгина лишь создается,
Мы за новое имя — горой.
Волгин, Волгин, чей стон раздастся?
То читатели стонут порой.

Расул ГАМЗАТОВ

С успехом демонстрирует поэт
Всю многогранность творчества богатого
Уж невозможно отыскать предмет,
На корм не было бы надписи
Гамзатова...

Даниил ГРАНИН

Онегин, добрый мой приятель.
Весьма прилежный был читатель.
Судьба Евгения хранила:
Он не дошел до Даниила...

Иосиф ГРИНБЕРГ

Закономерностей в судьбе
Ища, учти, пиит:
Напишет Гринберг о тебе, —
Ты, стало быть, мастит!

Николай ДОРИЗО

«Огней так много золотых...»
Посмотришь и не верится.
Стихов так много холостых

У Доризо имеется.

Юлия ДРУНИНА

Битвы. Штурмы. Укрепленья.
В доте. В роте. В эскадроне.
Поэтесса в наступленьи.
Мы, простите, — в обороне.

Евгений ЕВТУШЕНКО

С поэтом вот что происходит:
Порою на него «находит».
Порою, что «нашло», проходит,
А после снова происходит...

Александр ЖАРОВ

О нем скажу я не без лести:
Агит-поэт, невольник чести!

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Фонтаном красноречия
Меня он покори́л.
Но думал после встречи я:
О чем он говорил?..

Михаил ИСАКОВСКИЙ

Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет окно.
И везде в честь большого поэта
Одиноких гармоней полно.

Валентин КАТАЕВ

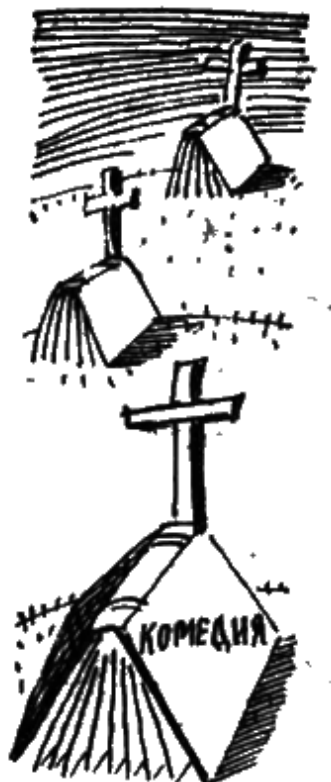
Кто этой книги не читал.
Пусть горько пожалеет.
Уже и автор белым стал,
А парус все белеет..

Инна КАШЕЖЕВА

Плывут куда-то корабли
Свободно и раскованно.
Стоишь на краешке земли,
А это, брат, рискованно...

Евгения КНИПОВИЧ

Ее никто не укорит —
Она себя не повторяет:
Захочет — Гейне поощряет,
Захочет — Кафку объяснит.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,

Борис РАЦЕР

Сатирическая трасса,
Как известно, нелегка.
А у них комедий — масса!
Жаль, бессмертных нет пока.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Вот Кугультинов Друг степей.
Калмык.
Ну как не оценить его натуру!
Вошел в российскую литературу
И назовет его всяк сущий в ней язык.

Кайсын КУЛИЕВ

Всегда восточный виделся мудрец
Нам в образе почтеннейшего старца.
Но мненье наше опроверг конец
Пример оптимистичного балкарца.

Леонид ЛЕНЧ

От души желая вам успехов,
Видеть вас хотим на высоте,
На которой находился Чехов;
Будучи Антошей Чехонте...

Георгий МАРКОВ

Не оценить мы не могли
Его полотен ширь.
Кто не осилит «Соль земли»,
Тому грозит «Сибирь»!

Новелла МАТВЕЕВА

Мы у сказок все во власти.
Долго будут сниться мне

Невсамделишные страсти
В невзаправдашной стране.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Много песен слышал я в родной
стороне,
Ими в самое сердце я ранен.
Но чем дальше, яснее становится мне.
Как хорош... Лев Иваныч Ошанин^[2].

Сергей МИХАЛКОВ

Шел трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
Мимо ехал на машине
Сам писатель Михалков.

Сергей НАРОВЧАТОВ

Было время, шаг печатав.
Был солдатом Наровчатов.
Так, печатав и печатав,
Стал поэтом Наровчатов.

Лев, ОВАЛОВ

Майора Пронина не видно много лет,
Искать его следы, — напрасные заботы.
Хотя он не оставил службу, нет,

Он просто перевелся... в анекдоты.

Булат ОКУДЖАВА

Читатель наш рожден быть хватом.
Да жаль его — сражен Булатом...

Юрий ОЛЕША

Хотя писал он прозу, был поэтом.
Накоротке со славой — был знаком.
«Трех толстяков» придумал, но при
этом
Не стал ни богачом, ни толстяком...

Лев ОШАНИН

Много песен слышал я в родной стороне,
Популярен их автор московский.
Но чем дальше, яснее становится мне,
Как хорош... Михаил Матусовский^[3]!

Борис ПОЛЕВОЙ

Талант редактора! О, ото не пустяк!
Он должен быть и тверд и в то же
время гибок.
И Полевой таков. А если что не так.
То кто же в «Юности» не совершал
ошибок...

Владимир ПОЛЯКОВ

У старика плодового
Много острого, ядовитого.
С перцем, с солью, огню подобного,
А в итоге — вполне съедобного.

Иосиф ПРУТ

Чем знаменит Иосиф Прут?
А тем что он и там и тут.
Внесите ясность, ради бога:
Один ли Прут иль Прутов много?

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

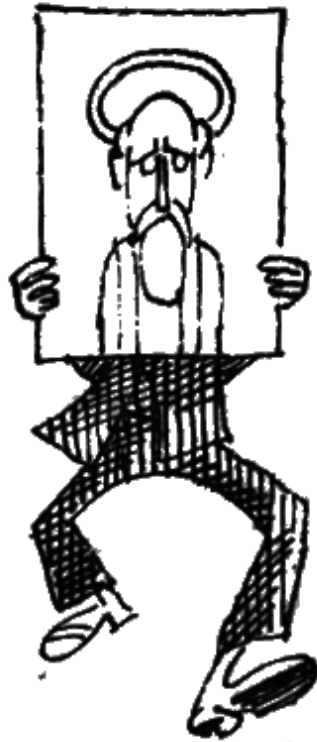
Среди песенников ты — первый.
Рядом некого с тобой ставить.
Вспоминаю я твои песни,
Что-то с памятью моей стало...

Афанасий САЛЫНСКИЙ

— Вы любите «Театр»? —
Его спросили как-то.
— Люблю! — ответил он. —
Ведь я же в нем редактор!

Михаил СВЕТЛОВ

Светлов любим и почитаем всеми,
Хотя вопрос не праздный зададим:
Знаком ли был поэт во всеми теми
Кто ныне горд интимной дружбой с ним?

Владимир СОЛОУХИН

Когда бы увидал его Рублев,
Разув глаза, он стал смотреть бы
в оба,
И пригласил позировать его бы
Не меньше, чем за тысячу рублев...

Иван СТАДНЮК

Стаднюк, не ставьте мне в вину
Того, кто мой кумир.
Я вашу прочитал «Войну»,
Но я хочу «...и мир».

Николай ТИХОНОВ

Он прошел над Алазанью
Поседельй, как сказанье,
Нержавеющий, как гвоздь,
Он везде желанный гость.

Гавриил ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Все для того, чтоб слово заблестало:
Собачья жизнь — прекрасной прозой
стала!

Мариетта ШАГИНЯН

Кто не видит, так услышит:
Шагинян всегда в труде.
Пишет. Ездит. Ездит.
Пишет. Пишет. Ездит. И т. д.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Виктор Шкловский о Толстом
Сочинил солидный том.
Хорошо, что этот том
В свет не вышел при Толстом...

Более подробно о серии

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

В довоенные 1930-е годы серия выходила не пойми как, на некоторых изданиях даже отсутствует год выпуска. Начиная с 1945 года, у книг появилась сквозная нумерация. Первый номер (сборник «Фронт смеется») вышел в апреле 1945 года, а последний 1132 — в декабре 1991 года (В. Вишневский «В отличие от себя»). В середине 1990-х годов была предпринята судорожная попытка возродить серию, вышло несколько книг мизерным тиражом, и, по-моему, за счет средств самих авторов, но инициатива быстро заглохла.

В период с 1945 по 1958 год приложение выходило нерегулярно — когда 10, а когда и 25 раз в год. С 1959 по 1970 год, в период, когда главным редактором «Крокодила» был Мануил Семёнов, «Библиотечка» как и сам журнал, появлялась в киосках «Союзпечати» 36 раз в году. А с 1971 по 1991 год периодичность была уменьшена до 24 выпусков в год.

Тираж этого издания был намного скромнее, чем у самого журнала и составлял в разные годы от 75 до 300 тысяч экземпляров. Объем книжечек был, как правило, 64 страницы (до 1971 года) или 48 страниц (начиная с 1971 года).

Техническими редакторами серии в разные годы были художники «Крокодила» Евгений Мигунов, Галина Караваева, Гарри Йорш, Герман Огородников, Марк Вайсборд.

Летом 1986 года, когда вышел юбилейный тысячный номер «Библиотеки Крокодила», в 18 номере самого журнала была опубликована большая статья с рассказом об истории данной серии.

Большую часть книг составляли авторские сборники рассказов, фельетонов, пародий или стихов какого-либо одного автора. Но

периодически выходили и сборники, включающие произведения победителей крокодильских конкурсов или рассказы и стихи молодых авторов. Были и книжки, объединенные одной определенной темой, например, «Нарочно не придумаешь», «Жажда гола», «Страницы из биографии», «Между нами, женщинами...» и т. д. Часть книг отдавалась на откуп представителям союзных республик и стран соцлагеря, представляющих юмористические журналы-побратимы — «Нианги», «Перец», «Шлуота», «Ойленшпегель», «Лудаш Мати» и т. д.

У постоянных авторов «Крокодила», каждые три года выходило по книжке в «Библиотечке». Художники журнала иллюстрировали примерно по одной книге в год.

Среди авторов «Библиотеки Крокодила» были весьма примечательные личности, например, будущие режиссеры М. Захаров и С. Бодров; сценаристы бессмертных кинокомедий Леонида Гайдая — В. Бахнов, М. Слободской, Я. Костюковский; «серьезные» авторы, например, Л. Кассиль, Л. Зорин, Е. Евтушенко, С. Островой, Л. Ошанин, Р. Рождественский; детские писатели С. Михалков, А. Барто, С. Маршак, В. Драгунский (у последнего в «Библиотечке» в 1960 году вышла самая первая книга).

INFO

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ
КРАСНАЯ ПАШЕЧКА

Редактор В. Вахнов.

Техн. редактор О. М. Вайсборд.

Сдано в набор 10.08.78. Подписано к печати 30.10.78 г. А
09147. Формат 70x108 1/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «школьная», высокая печать. Усл. печ. л. 2.10.
Учетно-изд. л. 2,88. Тираж 75 000. Изд. 2708. Заказ № 2665.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП. ул. «Правды», 24.

.....

Отсканировано Pretenders, обработано Superkaras и
Siegetower

FB2 — mefysto, 2023

Цена 20 коп.
индекс 72996.

---

notes

Примечания

1

Выделение р а з р я д к о й, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами здесь и далее заменено **жирным курсивом**. (не считая стихотворений). — *Примечание оцифровщика*.

См. эпиграмму на Л. Ошанина.

3

См. эпиграмму на М. Матусовского.